

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИСУТСТВИЕ ВО ФРАНЦИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

RUSSIAN LITERARY PRESENCE IN FRANCE IN THE LATE XIX-EARLY XX CENTURY AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE DIALOGUE OF CULTURES (HISTORICAL ASPECT)

Yu. Bystrova
D. Kovaleva

Summary. The article is devoted to one of the most important aspects of Russian-French cultural relations — the problem of the spread of Russian literature in France. The French public perception of classical Russian literature of the late XIX– early XX century is analysed. Various aspects of relating to it on many levels are considered. The role of individual enthusiasts of French origin, such as E. de Vogüé, in the process of popularization of Russian culture is identified and the significant impact of their activities associated with the peculiarities of Russian prose, the undoubted skill of the authors, the novelty of artistic techniques and with the “exotic” subjects of Russian life are defined. The evolution of public interest to and criticism of I. S. Turgenev and L. N. Tolstoy’s works is traced. Some examples show the attention of the French literary elite to innovative trends in Russian writers’ works on the one hand, and the vision of proximity to the traditions of the French artistic word on the other. It is shown that Russian authors have influence on the minds of the French, which leads to the clarity and common use of the definition of “Littérature russe” among wide reading audience.

Keywords: Russian-French cultural relations, translated literature, international relations, Dialogue of cultures, Russian culture. French culture, Russian history, literary contacts.

Быстрова Юлия Михайловна

*К.и.н., Доцент, Саратовский государственный
технический университет им. Гагарина Ю. А*
bystrovau@yandex.ru

Ковалева Дарья Николаевна

*К.и.н., Доцент, Саратовский государственный
технический университет им. Гагарина Ю. А*
dasha1109@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из наиболее значимых аспектов русско-французских культурных связей — проблеме распространения русской литературы во Франции. Анализируется восприятие русской классической литературы французской публикой конца XIX– начала XX в. Рассматриваются различные стороны отношения к ней на многих уровнях. Выявляется роль отдельных энтузиастов французского происхождения, таких как Э. де Вогюэ, в процессе популяризации русской культуры и значительных эффект от их деятельности, связанный с особенностями русской прозы, несомненным мастерством авторов, новизной художественных приемов и «экзотичностью» сюжетов русской жизни. Прослеживается эволюция интереса у публики и критики к произведениям И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. На отдельных примерах показывается внимание французской литературной элиты к новаторским тенденциям в творчестве русских писателей с одной стороны, и видение близости традициям французского художественного слова с другой. Показывается влияние русских авторов на умы французов, которое приводит к понятности и «общеупотребимости» дефиниции «Littérature russe» среди широкой читающей аудитории.

Ключевые слова: русско-французские культурные связи, переводная литература, международные отношения, диалог культур, русская культура, французская культура, история России, литературные контакты.

Последняя треть XIX в.— начала XX в.— период, когда «русское присутствие» стало частью жизни французского общества. Это было связано с разными аспектами франко-русских отношений. Особое значение имело сближение двух стран, продиктованное геополитическим и экономическими интересами, результатом которых стало заключение взаимобязывающих двусторонних договоренностей 1891–1894 гг., фиксировавших заключение франко-русского союза активизировавшего контакты всех уровней. Частью этого процесса были встречи лидеров государств, проходившие как официальные визиты на территории страны-союзницы. На фоне политического сотрудничества

развивались тесные экономические контакты, стимулировавшие взаимодействие в производстве, торговле, финансовой сфере.

Все вышеописанные факторы не могли не стимулировать неуклонно нараставший интерес к русской культуре. Любое крупное сочинение энциклопедического характера во Франции, начиная с середины XIX в., не обходилось без раздела, посвященного России. Отдельные издания представляли информацию поверхностно, в то время как другие, вполне авторитетные (например, десятый том Всеобщей истории Э. Лависса и А. Рамбо), включали довольно основательные обзор

ры и пользовались признанием у широкой публики и специалистов [1, с. 69]. Постепенно начали появляться труды, посвященные непосредственно России и русской литературе таких авторов, как Луи Леже, А. Рамбо, А. Леруа-Болье, Э. М. де Вогюэ. Деятельность последнего сыграла особую роль в развитии русско-французских литературных связей.

Эжен Мельхтор де Вогюэ, французский аристократ, дипломат, в течение семи лет (1876–1883 гг.) служивший секретарем французского посольства в Санкт-Петербурге. Он выучил русский язык, женился на русской, а с середины 70-х годов стал печатать на страницах одного из самых популярных французских литературных журналов — «Revue des Deux Mondes», свои путевые заметки, а потом и статьи о русских романистах. В 80-х годах XIX века стали появляться его этюды о русских писателях, которые вошли потом в его книгу «Le Roman Russe» («Русский роман») [2]. Книга вызвала живую реакцию как специалистов, так и широкой читающей аудитории. В небольшой статье о нем в одном из наиболее авторитетных справочных изданий Франции — «Grand Larousse», наибольший акцент сделан именно на эту работу [3 р.1027]. Ее по достоинству оценили не только во Франции, но и в России. А. Н. Пыпин отмечал, что: «... автор может считаться одним из наиболее компетентных писателей» [4, с. 305], и указывая на некоторые моменты, довольно странные для русского читателя, отмечал, что Вогюэ несомненно «хорошо изучил своих писателей, ... особенно Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого» [4, с. 306]. Похожую оценку давала критику З. Венгерова в своей статье, вышедшей более чем через десять лет с момента опубликования труда Вогюэ: «Это своего рода историческая книга, написанная умно и смело, хотя и переполненная неверными, иногда вполне неосновательными суждениями, открыла русскую литературу для французов...» [5, с. 720], но: «Менее всего можно сказать, что Вогюэ не понял русской литературы и ее типичных представителей. Напротив того, у него встречаются неоспоримо верные суждения об отдельных явлениях, и есть несомненная правда в его общем взгляде на русскую культуру» [5, с. 722–723]. Она дает достаточно высокую оценку автору, так как он, несмотря на все особенности осмысления произведений русских литераторов, по существу «оказался очень пронизательным критиком; он понимал в совершенстве если не русскую литературу, то во всяком случае французскую действительность» [5, с. 720]. Ключевую оценку работе Вогюэ дал С. В. Соловьев: «... появилась во Франции книга, которая расширила литературные горизонты французов... «Le Roman Russe»..., сказавший потомкам Ансело, что наша литература не только не подражательна, но что идеи, пересоздающие Европу, исходят уже не из французской души» [6, с. 23]. Исключительно высоко оценил это сочине-

ние постоянно проживавший во Франции переводчик на французский язык произведений русских писателей И. Д. Гальперин-Каминский, отмечавший, что Вогюэ открыл мир русской литературы в «новом ослепительном блеске» [7, с. 36]. Положительную реакцию книга вызвала и у представителей французской литературной среды. Писатель и критик П. Бурже, пользовавшийся к тому времени большой популярностью у русской публики [8, 14, 17] назвал эту книгу «Литературным событием года», и даже более того — «датой в истории интеллекта и морали нашего времени» [9, р.215]. Эти отзывы вполне наглядно показывают впечатление на французскую публику, открыв Западу совершенно иную Россию, которую до этого они фактически не воспринимали как страну высокой культуры.

Ориентируясь на сочинения Вогюэ, полемику в русской и французской прессе изучаемого периода, а также на обширный пласт современной научной литературы, мы можем выделить наиболее яркие образы, имевшие особое значение для развития русско-французских литературных контактов. И, прежде всего, это классики русской литературы И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой, чьи произведения получили в указанный период наибольшее распространение и, несомненно, оказали значительное влияние на литературную жизнь Франции.

И. С. Тургенев раньше стал популярен во Франции, в частности потому что практически постоянно проживал в этой стране и тесно общался самыми востребованными французскими литераторами своего времени, тесно контактировал с братьями Гонкур, называвшими его «очаровательным русским колоссом», «нежным гигантом с белыми волосами» [11], дружил с Мопассаном и Флобером. Несомненно, что эти контакты способствовали тому, что во Франции его произведения стали известны сравнительно рано. Так, перевод «Записок охотника» был опубликован всего через два года после публикации в России (в 1854 г.) [12] и почти сразу был переиздан два раза [13, с. 712]. Тургенева широко публиковали во французской периодической печати, особенно в «Revue des Deux Mondes». Одним из главных пропагандистов произведений Тургенева стал Проспер Мериме [13]. Еще одним аспектом, способствовавшим его популярности, была стилистическая и эстетическая близость к современной ему французской литературной школе, и, исходя из этого, понятность французскому читателю. Вогюэ называет его писателем, который «сумел быть русским не порывая с Западом» [10; 3, р.146]. Тургенев стал «своим человеком» в среде французских литераторов. Он являлся постоянным участником «обедов пяти» (Тургенев, Флобер, Э. Гонкур, Золя, Доде) [15, с. 140; 16]. Через некоторое время отдельные произведения писателя стали появляться во французских изданиях даже раньше, чем в России.

В 1878 г. Тургенев был единодушно избран вице-президентом первого литературного международного конгресса в Париже, который возглавил В. Гюго [18, с. 874–876]. В своем выступлении русский писатель подчеркнул тот факт, что «двести лет тому назад, еще не очень понимая вас, мы уже тянулись к вам, сто лет назад мы были вашими учениками, теперь вы нас принимаете как своих товарищей» [19, с. 55–56], подтвердив тем самым многовековую преемственность русской литературы от французской. Однако его собственный пример позволяет наблюдать изменения тенденции развития взаимоотношений стран. С 1880-х годов тургеневский термин «нигилизм» стал весьма распространенным и модным во французской литературе. «Наша литература еще не вошла в моду в Париже, а по случаю нигилизма много писали о России», — заявляла переводчица произведений Толстого на французский язык О. Н. Смирнова [20, с. 154]. В библиографическом бюллетене «Revue des Deux Mondes» в августе 1885 г. утверждалось, что «почитатели Ивана Тургенева во Франции не менее многочисленны, чем в России, и, хотя, может быть по другим мотивам, его любят и чувствуют здесь не меньше, чем у себя на родине» [15, с. 147].

Деятели и исследователи французской культуры относились к писателю ревниво, подчеркивая его к ним расположение. Так, например, Брандес, пытаясь анализировать отношение Тургенева к Франции и Германии, естественно в пользу первой, отмечал: «Уже в силу старых русских традиций он (Тургенев — Ю. Б.) стоял ближе к Франции, чем к Германии. ...как почти во всех русских романах немцы выводились в сатирическом и местами даже ненавистном свете. С другой стороны, хотя он конечно сознавал недостатки французской природы и французской культуры, но он легче уживался с ними. Он был вполне понят и оценен в Париже, где обыкновенно так недоверчиво относятся ко всему чужеземному; у него были горячие поклонники и между старейшими писателями (Мериме), и между писателями позднейшего поколения (Ожье, Тэн, Флобер, Гонкур), и, наконец, между самыми современными (Золя, Додэ, Мопассан). С кружком писателей, собиравшихся у Флобера, он стоял на короткой дружеской ноге, как ни с кем другим из иностранных писателей» [21, с. 62–63]. Э. М. де Вогюэ в одном из своих очерков в начале 80-х гг. писал: «...мы приняли Тургенева и сроднились с ним, как будто он принадлежал к нашей семье; ни одного иностранца не читали так в Париже, ни одним не упивались так, как Тургеневым. Эта великая слава обращена была одной стороной к Франции» [21, с. 68]. П. Бурже включил статью о Тургеневе в свои «Очерки современной психологии. Этюды о выдающихся писателях нашего времени»: «Тургенев, очень долгое время живший среди нас и очень близко знакомый с нашей новейшей литературой, усвоил себе многие из наших воззрений, но при этом изменил

и истолковал их согласно своему оригинальному складу ума. Этот русский дворянин, придя в соприкосновение с разными учениями Запада и, в значительной мере, подчинившись им, сделался как бы созданным случаем опытным полем, на котором могла бы производиться проверка наших современных теорий» [22, с. 281–282]. Кроме того, Тургеневу принадлежала роль активного пропагандиста русской литературы на Западе. Он способствовал изданию на французском языке произведений Пушкина и Лермонтова. Таким образом, мы видим, что к 90-м годам XIX века имя и произведения Тургенева стали уже неотъемлемой принадлежностью культурной жизни французского общества Э. Оман писал, что благодаря Тургеневу «Россия завоевала для себя неотъемлемое место в интеллектуальной жизни Европы» [13, с. 44].

Но, пожалуй, наиболее популярным среди французской публики все же было имя Л. Н. Толстого, чьи произведения завоевали широкие слои общества, особенно с 1886 г., после выхода в свет книги Э. М. Вогюэ, который называл Толстого величайшим художником современности. Роман «Война и мир», переведенный на французский язык И. И. Паскевич и изданный в 1879 г. в Петербурге, был завезен в Париж, а отдельные экземпляры, стараниями Тургенева, были разосланы некоторым французским писателям, среди которых были Флобер, Золя, Додэ [23, с. 205, 206, 133,]. Но, как утверждал Гальперин–Каминский, это издание прошло незамеченным, во всяком случае для большинства деятелей французской культуры. «Завоевание... шло медленно. Пятьсот первых экземпляров еще не были распроданы, когда через пять лет после издания, в июле 1884 г. появилась в «Revue des Deux Mondes» статья Вогюэ. В тот же год тысячи экземпляров объемистого «chef d'oeuvre» распространились по всему свету. Это был успех, неслыханный для французского перевода какого бы то ни было современного романа, и им мы целиком обязаны могучему вмешательству автора книги «Русский роман» [7, с. 37].

Изданный в Париже в 1884 году [19, с. 136] роман Толстого был затем многократно переиздан [24]. Именно этот перевод читали Флобер, Золя, Додэ, братья Гонкуры, Мопассан, А. Франс, Ромен Роллан. С французского текста И. И. Паскевич были выполнены первые переводы «Войны и мира» на английский, венгерский, голландский, польский, турецкий языки. Этот перевод оставался до начала XX века единственным французским текстом «Войны и мира» [25, с. 23–24]. Он продолжал переиздаваться и после того, как стали появляться другие переводы. Октав Мирбо писал Толстому: «Кое-кто из гордых писателей моей родины заявлял, что Вы многим обязаны Франции. Они хотели бы видеть в Вас питомца французской революции и Стендаля. Я же утверждаю, что Франция сама Ваша должница, Вы возбудили в ее многовековом гении новую жизнь» [26, с. 981]. П. Д. Боборыкин вспоминал:

«Когда вышел в Париже первоначальный французский перевод «Войны и мира»... Мопассан и мне, и, вероятно, многим другим повторял часто фразу: «Нам всем следует учиться у графа Толстого, автора «Войны и мира» [27, с. 200]. Незадолго до своей болезни, прочитав «Смерть Ивана Ильича», этот уже признанный французский писатель сказал одному французскому критику: «Я вижу, что вся моя деятельность была ни к чему, что все мои десятки томов ничего не стоят» [28, с. 504].

Успех Толстого во Франции был настолько велик, что критик Теодор де Визева в статье «Русское нашествие во французской литературе» (1886) заявлял, что французский читатель знает Толстого в такой же мере, если даже не лучше, как и наиболее знаменитых отечественных романистов: «Читателям, которые еще недавно объявляли непомерно длинными романы Гонкуров, — писал он, — предлагают теперь 1200 страниц убористого текста «Войны и мира». Они проглатывают 1200 страниц, и вот их рты снова раскрыты» [29, с. 280].

Оценка творчества Толстого была дана в 1889 году известным французским критиком Эмилем Эннекеном в одном из его этюдов, вошедших в книгу «Ecrivains francisés» («Офранцузенные писатели»), посвященную творчеству Диккенса, Г. Гейне, Тургенева, Эдгара По, Достоевского и Льва Толстого. «Еще два года назад имя графа Толстого было неизвестно во Франции: сейчас мы перестали игнорировать славу этого автора, одного из наиболее великих из живущих в настоящее время...», «Толстой принадлежит к числу самых великих писателей-творцов...» [30, р.185, 193].

Но оценка публицистических произведений Толстого не всегда вызывала восторженные отклики. Например, публикация трактата «Что такое искусство» во французском переводе в 1898 г. вызвала неоднозначное, и даже возмущенное отношение литературного Парижа (в 1899 г. журнал «Grande Revue» опубликовал ответы Толстому более сорока французских писателей) [31]. Хотя даже в этом случае, пострадавший от пера Толстого французский поэт С. Малларме все же отзывался о писателе в превосходной степени: «Суждения Толстого о сегодняшней литературе представляются мне принадлежащими именно к тому роду суждений, которые приходится принимать от этого гения, многогранного и простого...» [32, р.338].

Известный писатель Леон Гандеракс в ответ на запрос редактора «Gil Blas» о Флобере писал: «Вы запрашиваете меня о Флобере, меня, француза, да еще в 1890 году! Почему бы ему не запросить меня о Толстом? Я бы тогда, между прочим, упомянул бы о Флобере, что бы с похвалой, беспристрастно, принести в жертву русскому натурализму натурализм французский» [33, с. LXVII].

Морис Баррес в статье под говорящим названием «Русская мода», появившейся в журнале «La Revue illustrée» в 1886 году, писал: «Всем известно, что за последние два месяца у людей осведомленных и обладающих вкусом стало обычаем восклицать при встрече со знакомыми, после первых приветствий: «Ах! Читаете ли вы этих русских?» Вы отступаете на шаг и говорите: «О! Этот Толстой!» Другой, наступая на вас, вторит: «Достоевский!» Именно так в 1886 году принято доказывать изысканность своего вкуса... А поборники чистого искусства идут еще дальше: «Ах! — говорят они с горькой усмешкой. — Запад уже стар! Конец приходит латинским расам!»... Достаточно было кому-то перевести русские романы и еще кому-то перелистать их — и вот уже нам заявляют, что наша литература повержена в прах... Эти русские — настоящее спасение для иных глубокомысленных людей, которые могут спать только в объятиях собственного энтузиазма» [25, с. 187]. Таким образом, хоть и в ироничном и язвительном ключе, но мы видим в статье М. Барреса картину отношения к русской литературе во Франции в конце XIX века.

В феврале 1902 года в «Revue des Deux Mondes» была опубликована статья А. Бретона «Жалость общества в романе», проводя параллель между «Отверженными» Гюго и «Воскресеньем» Л. Толстого [34, 39]. Бретон отмечал, что равным самому «могучему» французскому XIX века может быть только русская литература в лице Достоевского и Толстого [35, с. 419]. Русский публицист Н. Кудрин писал в своей статье о лекции, посвященной «Воскресению» Л. Толстого: «...зала необыкновенно чутко и правильно оценивает, поощряет, подчеркивает языком и ладонями наилучшие места из «Воскресения»... и, когда лектор закончил чтение цитаты, зал аплодисментов и бурные крики «браво, браво», «великолепно», «это душу пронизывает»... потрясли залу» [36, с. 57; 37, с. 218–219]. В 1910 году в одной из своих статей Эмиль Фаге, говоря о воздействии на умы французов философии Толстого, писал, что увлечение им было огромно, его вполне можно сравнить с тем впечатлением, которое в XVIII веке вызвал Руссо. Появилось необычайное количество толстовцев: «стало лучшим тоном быть парижано-анархо-русским» [38, с. 253].

О том, каково было отношение к Толстому интеллигентской молодежи Франции в конце XIX — нач. XX вв. писал также Ж.—Р. Блок (в будущем, известный французский писатель и драматург) и другие радикальные французские писатели и публицисты, такие как, Р. Роллан, Ш. Пеги и др. [39, с. 113, 116, 121]. Толстого постоянно сравнивали с различными западными писателями, например, Руссо, о чем уже было сказано выше, и некоторыми другими [38, с. 252]. «То, что создала античная Греция согласным творческим порывом городов и веков — Гомера, в России природа сотворила сразу, произ-

ведя на свет Толстого, душу и голос громадного народа, поток, из которого будут утолять жажду в течении веков дети, мужи и пастыри человечества», — писал А. Франс [40].

Французской критикой отмечалось воздействие сочинений Толстого на новое «идеалистическое» направление, выразившееся в произведениях таких его представителей, как Э. Род, Т. де Визева, и на самом комментаторе русского романа Э. М. де Воюэ [7, с. 41].

Известность и популярность как произведений Толстого, так и его личности можно определить по его деловой корреспонденции. Его приглашали принять участие в работе конгресса общества французских писателей в 1889 г. В 1890 г. группа учащихся Безансона, организовавшая кружок памяти В. Гюго, сообщала Толстому, «имя которого более всего популярно во Франции», об избрании его членом кружка. 19 января 1901 г. Юге написал Толстому, что молодежь Дижона организовала общество «Union Tolstoi» и избрала его почетным председателем. Среди просьб о сотрудничестве от газет и журналов, поступавших писателю, были предложения таких известных французских периодических изданий, как, например, «Revue des Revue» (в будущем «La Revue»), «Echo de Paris», «La Revue Blanche» и многих других [26, с. 1017].

В Яснополянской библиотеке Толстого около тысячи названий книг, принадлежащих французским авторам. Из них 120 присланы Толстому авторами с собственноручными надписями. Среди них О. Мирбо, П. и В. Мар-

герит, М. Прево, А. Жид, Р. Роллан, Ш. Морис, Ж. Легра, Э. Род, А. Франс, Т. Кан, А. Форе и т.д. [26, с. 1006] С многими из них Толстой активно переписывался, например, с Р. Ролланом [41]. Отметим, что наибольший объем официальной переписки с французами приходился на начало 1900-х годов [26, с. 1007]. «Усыновление» Толстого Францией, литературные мнения откуда расходились во все концы мира, послужило прочной основой и международной славы писателя» [20, с. 141–142], — писал один из советских исследователей его творчества.

Представленный анализ отзывов представителей французской и русской культурной элиты позволяет утверждать, что произведения Тургенева и Толстого в указанный период времени пользовались беспрецедентным успехом у французской читающей публики. И хотя популярность Тургенева падает начиная с 90-х гг. XIX в., он несомненно остался одним из наиболее востребованных иностранных писателей и фактически был принят французской литературой «за своего». Феномен Толстого прежде всего в том, что его популярность оставалась на неизменной высоте на протяжении всего изучаемого периода и продолжала возрастать. Оба писателя открыли дорогу для развития интереса к другим явлениям в русской литературе и к России как стране, которая может удивлять, поражать и восхищать даже столь искушенную в культурном отношении державу, как Франция. С этого времени понятие «Littérature russe» в его «превосходном» значении стало понятным и общепотребимым не только для французской элиты, но для любого читающего француза из глубинки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любина Г. И. Россия и Франция. История научного сотрудничества. М., 1996.
2. Vogué E.-M. Le Roman Russe. P., 1886.
3. Grand Dictionnaire universel du XIX siècle (par Pierre Larousse). P. 1866–1876. V. 6.
4. Пыпин А. Н. Русский роман за границей // Вестник Европы. 1886. № 9. С. 301–344.
5. Венгерова З. Русский роман во Франции // Вестник Европы. 1899. № 2. С. 719–750.
6. Соловьев С. В. Современное положение русского языка и литературы во Франции // Вестник Харьковского Историко-филологического общества. 1912. Вып. 2. 8 с.
7. Гальперин–Каминский И. Д. Русоведение во Франции // Русская мысль. 1894. № 9. С. 28–42.
8. С.Л. Поль Бурже // Русская мысль. 1894. № 9. С. 77).
9. Histoire de la France de 1852 à nos jours. Paris, 1987.
10. Vogué E.-M. Le Roman Russe.
11. ГАРФ. Ф. 6846. Оп. 1. Д. 15. Статьи о столетии со дня рождения И. С. Тургенева и по истории тургеневской библиотеки.
12. Ощепков А. Р. Восприятие творчества Тургенева во Франции и Англии XIX века // Культурные константы. 2008. № 3. С. 41–46.
13. Клеман М. И. С. Тургенев и Проспер Мериме // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32. С. 707–752.
14. Фридлиндер Г. Достоевский и мировая литература. Л., 1985. С. 292–302;
15. Манфред А. З. Традиции дружбы и сотрудничества: из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967.
16. Неизданные письма И. С. Тургенева к Дю Кану, Флоберу и Э. Д. Гонкуру // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32. С. 663–706
17. Михаленко Э. Психологические и философские связи романов Поля Бурже и Ф. М. Достоевского // Проблемы русской литературы. М., 1973. С. 86–99.
18. Алексеев П. М. Виктор Гюго и его русские знакомства // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32. С. 777–932.
19. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т.: письма в 13 т. М; Л., 1960–1968. Л., 1968. Т. 15.

20. Прийма Ф. Я. Русская литература на Западе. Л., 1970.
21. Иностранские критики о Тургеневе. М., 1884.
22. Бурже П. Очерки современной психологии. Этюды о выдающихся писателях своего времени. СПб., 1888.
23. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т.: письма в 13 т. М.; Л., 1960–1968. Т. 12: Письма. 1879–1880: Кн. 2. 1967. 9 января 1880 г.
24. Bibliographie des oeuvres littéraires russes traduits en française: Tolstoi, Tourgeneff, Dostoevski. Paris, Messages. 1949.
25. Мотылева Т.Л. «Война и мир» за рубежом. М., 1978.
26. Чистякова М. Лев Толстой и Франция // Лит. насл. М., 1937. Т. 31–32. С. 981–1025.
27. Боборыкин П. Д. Столицы мира. Тридцать лет воспоминаний // Воспоминания. В 2-х тт. Т. 2. М., 1965.
28. Горбачев Н. В. История писания и печатания предисловия к сочинениям Г. де Мопассана // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90-тт. М., 1951. Т. 30. С. 504.
29. Wizewa Téodor de. Ecrivains étrangers. Deuxième série. Paris. 1897.
30. Hennequin E. Ecrivains francisés. P., 1889.
31. Нике М. Пеладан и Толстой «Что такое искусство?» // URL: <http://parij.free.fr/06-Philosophie/articles/05-philos.htm>
32. Doubrovkine R. Лев Толстой, Малларме и болезнь времени // Revue des études slaves. 1999. Vol. 71. № 71–2. P. 333–358.
33. Берков П. Изучение русской литературы во Франции // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33–34. С. 721–768.
34. Breton A. La pitié social dans le roman // La revue de deux mondes. 1902.
35. Из общественной жизни // Вестник Европы. 1902. № 3. С. 419.
36. Кудрин Н. Народные университеты во Франции // Русское богатство. 1900. № 5. С. 57–59.
37. Из русских изданий // Книжки недели. 1900. № 7. С. 218–219
38. Песис Б. Франция и Толстой // Новый мир. 1929. № 1. С. 249–254.
39. Горная В. З. Зарубежные современники Л. Н. Толстого о романе «Воскресение» // Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональное исследование / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1991. С. 100–165.
40. Мотылева Т.Л. Толстой и современные зарубежные писатели \ Т. Мотылева. О мировом значении Л. Н. Толстого. М., «Советский писатель», 1957. [Электронный ресурс]. — URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/motyleva-tolstoj-i-sovremennye-zarubezhnye-pisateli.htm>.
41. Rollan R. La vie de Tolstoi. P., 1911.
42. Горная В. З. Зарубежные современники Л. Н. Толстого о романе «Воскресение» // Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональное исследование. М., 1991. С. 100–165.

© Быстрова Юлия Михайловна (bystrovau@yandex.ru), Ковалева Дарья Николаевна (dasha1109@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А